

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Иметь и наставлять рога (перевод с английского). Часть 3

Все еще прошлое

Май 2006 года

Может быть, я и не была влюблен в Мел, но чувствовал, что большая часть меня без нее пропала. Когда она ушла из моей жизни (ладно, когда я ее вытолкнул), это было похоже на то, что она забрала с собой все веселье. Я спрятался в свою раковину и несколько дней оставался там.

Я даже не пошел к Наоми, чтобы сообщить ей, что мы с Мел закончили. Отчасти это было ребячеством. Я не хотел давать ей отсрочку от ревности. Но была также часть меня, которая задавалась вопросом, не принял ли я неправильное решение. Конечно, есть много людей, которые сказали бы: »Понятное дело! Конечно, ты сделал неправильный выбор«. Хотя, в конце концов, это был не совсем мой выбор.

Видите ли, для меня это был не выбор между Мел или Наоми. Мое сердце сделало этот выбор задолго до того, как я встретил Мел. Решение упиралось в меня. Каким человеком я хочу быть? Был ли я из тех людей, что будут водить за нос девушку, испытывающую ко мне чувства, только потому, что мне было хорошо, зная, что я влюблен в другую? Буду ли держать ее рядом в надежде на то, что смогу развить в себе чувства к ней, лучше или хуже, нежели позволить ей найти кого-то, кто будет любить ее и только ее?

Я испытывал смешанное чувство облегчения и ревности, зная, что Мел была из тех девушек, которые остаются одинокими только до тех пор, пока сами этого хотят. Любой мужчина, которому посчастливится заарканить ее, должен быть полным идиотом, чтобы отпустить. Включая меня.

По-прежнему оставались вопросы. На некоторые из них я знал ответы, другие были неуловимы.

Мог бы я влюбиться в Мел, если бы не встретил сначала Наоми? Наверняка.

Почему Наоми так завладела моим сердцем? Ни хрена не понимаю.

Тогда я еще не знал. Честно говоря, не знаю и до сих пор. И не думаю, что узнаю когда-нибудь. Вот что так расстраивает в любви. Она нелогична, но вполне осмысленна. Она часто болезненна, но прекрасна. Безумная проклятая эмоция.

Поразительно, как сходен узор любви с узором безумия. — Этот Мервинген знает свое дело. После нескольких дней отшельнической жизни я решил навестить Наоми. Мне определенно требовалось с ней поговорить. Готов ли я говорить об исключительности? Не уверен. Но нам нужно было сесть и о чем-нибудь поговорить.

Я не стал ей звонить или писать, потому что не знал, что сказать. Я просто подумал, что когда мы будем в одной комнате, то все поймем.

А позвонить было надо.

Когда я добрался до ее квартиры, то понял, что что-то не так. Я это почувствовал. Мои уши на самом деле не улавливали знакомые звуки ее стонов, пока не прошло несколько секунд. Даже через дверь я чувствовал, что происходит в этой квартире. Наоми — не умеет отдаваться тихо.

Я почти отступил и ускользнул. Почти. Но тут начала нарастать моя ярость. Я уверен, что отчасти это была остаточная депрессия от ухода Мел, но я не смог ее сдержать. Я сжал кулаки и забарабанил в дверь, как будто был полицейским.

Я услышал, как по ту сторону двери прекратилась суэта. На мгновение воцарилась тишина, прежде чем я услышал крик Наоми:

— Кто там?!

Я даже не ответил, снова постучав в дверь. Свет в глазке исчез, и я понял, что из него смотрит Наоми.

— Джош?

Дверь открылась, и Наоми стояла в халате, который держала запахнутым.

— Что случилось, детка?

Я протиснулся мимо нее в ее квартиру и увидел голого мужчину, сидящего на ее диване с покрытой презервативом эрекцией, торчащей прямо в воздух. Презерватив блестел от того, что могло быть только ее соками. На лбу у него выступили капельки пота. Увидев меня, он тут же попытался сохранить свою скромность, укрывшись одной из ее подушек.

Теперь моя ярость достигла эпических размеров. Я разозлился, услышав, что она занимается сексом, но видеть неопровержимое доказательство голого парня, который все еще был готов к действию, было совсем другим.

Я проглотил желание избить его до бесчувствия. Я повернулся к ней и голосом, который, я уверен, был угрожающим, сказал:

— Нам надо поговорить.

В ее глазах вспыхнул вызов. Зная Наоми, я и не ожидал, что она испугается.

— Джош, я занята. Ты должен был позвонить.

Моему гневу нужно было дать выход. Это было похоже на пар, заполняющий закрытый горшок с плотно закрытой крышкой. Крышка готовилась к тому, чтобы ее сорвало.

Я повернулся к нему и сказал:

— Чувак, тебя не должно быть здесь. Уходи.

Если бы парень не оказался в том неловком положении, в котором оказался, он мог бы представлять угрозу. Но у него было три явных недостатка. Во-первых, то количество убийственной ярости, которую я испытывал. Во-вторых, он сидел, а я стоял, и последнее — это скрытая гомофобия, которая присутствует у большинства гетеросексуальных мужчин. Ни один мужчина не хочет драться с другим, в то время как у него болтаются яйца.

Наоми встала между нами и протянула руку.

— Джош, ты должен уйти. Поговорим позже.

Это ничуть не успокоило мою ярость. До этого момента, учитывая уровень гнева, который я испытывал, я был довольно спокоен. Теперь все закончилось.

— МЫ, БЛЯДЬ, ПОГОВОРИМ СЕЙЧАС!

Мой голос эхом разнесся по коридору ее дома. Я совсем забыл, что дверь все еще открыта. Начали открывать двери соседи и невнятно интересоваться тем, что происходит в 312Г.

— Стив, милый. Тебе лучше одеться.

Его лицо вспыхнуло искренним беспокойством.

— Я не оставлю тебя здесь с этим парнем.

Наоми нежно погладила его по щеке.

— Не волнуйся. Джош не причинит мне вреда. Со мной все будет в порядке.

Он не выглядел убежденным. Его глаза все еще настороженно изучали меня, в то время как он взвешивал свои варианты. Я сверлил его взглядом, провоцируя сделать хоть одно движение.

— Джош! Ты хочешь поговорить? Хорошо. Выйди в коридор и подожди, пока мы оденемся. Второй вариант только один: я звоню в полицию, чтобы она убрала тебя!

Я знал, что она говорит серьезно, поэтому неохотно вышел в коридор, а она захлопнула за мной дверь. Десять минут спустя угрюмый мимо меня большими сердитыми шагами прошел Стив и исчез из здания.

Я вошел в квартиру и увидел, что она сидит, скрестив руки и ноги. Ее глаза точно говорили мне, что у нее на уме.

— Так ты хочешь поговорить? Начинай!

К этому времени мой гнев слегка рассеялся. Но у меня все еще была потребность напасть на Наоми. Я сел напротив нее и положил локти на колени. Я вытер лицо руками.

— Значит, ты все еще сеешь развлекаешься на стороне, а?

Она сидела и ухмылялась.

— Неужели? Ты исчезаешь из моей жизни на несколько недель с этой гребаной шлюхой. Потом в течение последних, я не знаю, двух-трех дней ты не отвечаешь ни на мои звонки, ни на СМС. Теперь ты хочешь появиться ни с того ни с сего, вышибить мою дверь и разозлиться, что я не соблюдаю целибат?! Приди в себя, Джош!

В этом она была права. Я мог бы признаться в этом самому себе. Но не собирался сообщать ей об этом!

— О, пожалуйста! Мы оба знаем, что ЭТО ТЫ из всех людей не собираешься соблюдать целибат!

— ПОШЕЛ ТЫ, ДЖОШ! На случай, если ты забыл, я хотела быть с тобой эксклюзивной. Но у тебя была какая-то потребность ткнуть мне в лицо эту шлюху, говоря о психоанализе и взрывающейся... что бы там ни было! ТЫ ВЫБРАЛ ЕЕ! Так почему бы тебе не вернуться к Мисс «чай и пышки» и не оставить меня в покое?

Упоминание о том дне, когда я швырнул ей в лицо Мел, подавило мой энтузиазм. Это напомнило мне, что я использовал ее, чтобы добиться кармического правосудия над Наоми. На самом деле я не собирался этого делать, но так уж получилось. Образ Мел, плачущей на моем пороге, дал мне понять, что я не был невинной стороной в этой душераздирающей драме.

— Мы с Мел расстались.

Я выжидающе посмотрел на нее. Не знаю, чего я ожидал. Раскаяния? Симпатии? Может быть, немного сочувствующей грусти? Но она просто смотрела на меня, ожидая продолжения.

— Ты не собираешься ничего сказать?

— Что ты хочешь, что бы я сказала, Джош? Прости? Так нет. Эта чертова британская сучка все равно тебе не подходила. — Затем я услышал, как она пробормотала: — Возможно, это даже был не ее настоящий акцент. — Тот факт, что она была достаточно ревнива, чтобы язвить, доставил мне удовольствие.

— Она из Южной Африки, — сказал я, почему-то думая, что поправка имеет смысл. Наоми посмотрела на меня так, словно хотела вонзить мне в грудь что-то острое.

— Подумаешь! Все равно она бродяжка.

Услышав, как она нападает на Мел, я разозлился. Из нас троих она была наименее виновна.

— Ну, по крайней мере, мне она не изменяла.

— Я тоже никогда тебе не изменяла, Джош. Я всегда была с тобой честна. Я с самого начала говорила тебе, кто я и чего хочу. Ты точно знал, во что ввязываешься.

— НУ И ЧТО?! — крикнул я, вставая. Она даже не вздрогнула. — Знание отличается от чувства. Это знание не остановило мое гребаное сердце от того, чтобы разорваться!

Я не хотел поддаваться эмоциям, но ничего не мог с собой поделаться. Чувства были на месте, похороненные очень близко к поверхности. Они были там уже некоторое время.

— Как ты думаешь, что я чувствовал каждый раз, когда ты встречалась с другим парнем? Как ты себя чувствовала, когда я гулял с Мэл? — спросил я ее. Наоми вздохнула и сдулась. В ее глазах появилось понимание. Я думаю, что она впервые действительно посмотрела на это с моей точки зрения.

Она медленно поднялась с дивана, подошла ко мне и обняла за шею. Она поцеловала меня в щеку и заключила в теплые объятия.

— Мне очень жаль, Джош. Не из-за нее, а из-за причиненной тебе боли.

Мы обнимались еще несколько минут, просто наслаждаясь ощущением друг друга.

— Я скучала по тебе, детка. — Ее хриплый шепот в моем ухе забрал всю боль, которую я чувствовал. Ее губы встретились с моими. Сначала это было легкое касание, но вскоре мы уже целовались.

Я попытался увести ее в спальню, но она прервала поцелуй, поняв мои намерения. Сначала я растерялся, но потом посмотрел на диван и вспомнил, что не так давно она занималась сексом с другим мужчиной.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — Она сменила тему разговора и пошла на кухню.

Я сказал ей, что да и занял место на диване. Она вернулась с двумя стаканами воды и протянула один мне, сев рядом. Мы оба неторопливо отхлебнули и посмотрели друг на друга.

— Ты даже не хочешь знать, почему она ушла?

— Нет. Не очень, — сказала она с торжествующей улыбкой. Она получала от этого слишком большое удовольствие. Я смотрел, как она делает еще один глоток воды, и удивлялся, какая же она грациозная и красивая. Я мог бы сказать, что она знала, что я смотрю на нее, но ни в малейшей степени не чувствовала себя неловко.

— Это по твоей вине, ты же знаешь.

— Неужели? Как это? Как я заставила маленькую мисс Тату сбежать?

Я сделал паузу, потому что набирался смелости сказать то, что мне нужно было сказать. Сердце у меня чуть не выскочило из груди.

— Она ушла, потому что я не мог влюбиться в нее. Я... я люблю тебя.

Она замерла на середине глотка. Даже сквозь бутылку с водой я мог видеть ее потрясенное выражение. Время для меня остановилось. Секунды и минуты больше не существовали. Я понял, что даже не дышу.

Неужели именно это чувствовала Мел, шепча мне эти слова? Боже, а что, если Наоми отреагирует так же, как я? Неудивительно, что Мел так обиделась!

Наоми медленно поставила воду на кофейный столик перед нами.

— Ух, ты, Джош. Я имею в виду... вау.

Мне хотелось выскочить оттуда и броситься с ближайшей высокой точки. Неважно, что это будет: мост, небоскреб, чертовски высокое дерево. Я просто хотел покончить со всем этим.

До тех пор, пока она не обвинилась вокруг меня, как анаконда.

— Я... я думаю, что тоже люблю тебя, Джош. — Она отпустила меня и откинулась назад, глядя мне в глаза. — Нет, я знаю, что люблю... Я люблю тебя, Джош.

С тех пор мы стали в значительной степени стереотипной эксклюзивной парой. Я познакомил ее со своими родителями (это было упражнением в том, как сильно они могут смутить меня за один вечер). Я познакомился с ее друзьями (не в восторге от того, что большинство из них были парнями). Но она представила меня как своего парня, так что, меня все устраивало. Среди ее группы было несколько шокированных лиц и шуток; они часто упоминали меня как ковбоя, который, в конце концов, объездил дикую лошадь.

Наоми и моя сестра очень сблизилась. Они даже разговаривали по телефону пару раз в неделю. Мне это показалось слегка любопытным, но в хорошем смысле. Возможно, они были так похожи, что просто автоматически полюбили друг друга, но думаю, что Наоми была сестрой, которой у Трины никогда не было, и наоборот.

Вы, вероятно, заметили, что я ничего не упомянул о семье Наоми. Когда мы сблизилась, я заметил, что она тоже никогда о них не говорила. Когда я заговорил с ней о встрече с ними, она сказала, что ее родители умерли. Я спросил о братьях и сестрах, и она сменила тему. Она явно не хотела говорить об этом, так что, у меня не было другого выбора, кроме как остановиться. Может, и не стоило. Но я был молод, счастлив и влюблен. В то время копание в ее прошлом казалось недостаточно уместным, чтобы нарушить это.

Еще одно решение, определившее наше будущее. Чему быть, того не миновать.

Я так много времени проводил в ее квартире, что казалось вполне логичным, что мы поселимся вместе. По крайней мере, это казалось вполне логичным мне. Однако у нее все еще была эта нелепая потребность отстаивать свою «свободу». Она не пользовалась ею, чтобы заниматься сексом с другими парнями, но приходилось всегда сражаться, чтобы заставить ее вести себя так, как будто мы были парой. Мне приходилось постоянно бороться с ней за малейшие проявления любви и преданности.

Я согласен, что все у нас шло довольно быстро. Для Наоми эта скорость была просто огромной. Просто она так мне нравилась, что я был весь в ней. Она же часто давила на тормоза и говорила мне, что нам нужно притормозить.

Не знаю, почему я подталкивал все как можно сильнее. Думаю, в глубине души я пытался закрепить свое место в ее жизни. У нас был такой трудный старт, и она так долго не решалась перейти к следующему шагу, что я был слегка неуверен в том, где мы с ней находимся.

Не говоря уже о том, что она была самой большой кокеткой в истории. Но я знал, что она мне верна. Одной из особенностей Наоми было то, что она была честна в своем дерьме. Я часто спрашивал ее о том, как она общается с другими парнями, и она всегда была со мной откровенна.

Он флиртовал с тобой? Да

Ты флиртовала в ответ? Ты же знаешь, что да.

Тебя влечет к нему? Да. По-моему, он горячий.

Ты бы его трахнула? Если бы это тебе не повредило, то да, и немедленно. Но я знаю, что это причинит тебе боль, и не сделаю этого с тобой.

Кроме того, она редко говорила: «Я люблю тебя». Все это всегда заставляло меня сомневаться в том, что наши отношения крепки.

Помните, я был вечной жертвой? Наличие менталитета жертвы означает не только, что вы склонны винить в своих проблемах внешние силы, оно также означает, что вы всегда ожидаете, что у вас будут проблемы; поэтому создаете много своих собственных проблем через то, что сами же их накликаете.

Моя неуверенность и ее нежелание прогрессировать были постоянным источником напряженности между нами. Мы снова и снова спорили об этом. Я пытался двигаться вперед, она немного поддавалась, но через некоторое время нажимала на аварийный тормоз.

Я знаю, что большинство из вас задается вопросом: зачем мне оставаться с ней? Если так трудно быть вместе, почему бы не слить ее в потери и не двигаться дальше?

Ну, потому, что быть вместе было совсем не трудно. То, что я упомянул, было единственной плохой частью моих отношений с ней. Хорошие части? Ах да, хорошие части. Она понимала меня так, как не понимал меня никто, кроме Трины. Это было невероятно, но она всегда точно знала, что мне нужно, не произнося ни слова. Например, был один раз, когда я был очень зол. Я понятия не имел, что меня так раздражает. Я огрызался на нее по пустякам и не мог понять, почему. Наконец, не сказав ни слова, она просто ушла. Я уже собирался звонить ей, чтобы извиниться, но она вернулась через пятнадцать минут с батончиком «Сникерса». Я посмотрел на нее с выражением вопроса на лице, когда она ухмыльнулась и сказала: — Джош, ты — не ты, когда голоден. — Те из вас, кто видел рекламу «Сникерса», знают, о чем я говорю. Мы смеялись над этим по крайней мере минут десять. Но я понял, что она поняла, что, скорее всего, упал мой уровень сахара в крови. Вместо того чтобы просто сказать мне, чтобы я поел, что, вероятно, вызвало бы еще больше споров, она развеяла ситуацию с юмором, все время давая мне то, в чем я действительно нуждался.

Это всего лишь одна история. Таких много. Нам было хорошо вместе.

Рядом с ней я чувствовал себя в безопасности, несмотря на то, что для того чтобы она сказала мне эти три слова, потребовалось бы стихийное бедствие. Тем не менее, она показывала мне это таким большим количеством способов.

Во-первых, учитывая ее «потребность» в свободе, тот факт, что она была готова отказаться от нее ради меня, сам по себе был замечательным. И если вам интересно, то она была верной. Могла ли она лгать? Конечно, все возможно. Но я так не думаю. Наоми — не та женщина, которой требовалось врать про то, что она сделала. Она всегда была со мной откровенна и говорила правду, нравилось мне это или нет.

Поэтому она не давала мне повода не доверять ей. Для тех из вас, кто считает, что я не должен был ей доверять из-за того, какой она была, позвольте мне спросить кое о чем. Хотите ли вы, чтобы ваша вторая половинка судила о вас по тому, кем вы являетесь сейчас или по тому, кем вы были, когда еще не были вместе? Для кого-то вроде меня, имеющего «яркое» сексуальное прошлое, ответ был прост.

После нескольких месяцев борьбы с ней, чтобы жить вместе со мной, я уже был в отчаянии. К моему удивлению, она, наконец, согласилась, что мы должны жить вместе. К этому времени я знал ее чуть больше полутора лет, хотя официально мы были парой всего около восьми месяцев.

Нам пришлось идти навстречу друг другу, но я и впрямь думаю, что большее продвижение было с ее стороны. Она так привыкла быть сама по себе и иметь свое пространство, что это был настоящий культурный шок — делиться с кем-то еще. Но я видел, что она старается.

Я делал все, чтобы она понимала, как сильно я ее ценю, и это всегда заставляло ее улыбаться. Я был неплохим поваром, а она — королевой еды на вынос, поэтому время от времени я следил за тем, чтобы мы ели что-нибудь действительно приготовленное на нашей кухне.

У Наоми бывали эпизоды, когда она впадала в клаустрофобию, когда я был рядом. В этот момент ее все бесило. Она набрасывалась на меня по пустякам: слишком громко жевала

жвачку, смеялась над дурацкой рекламой, над тем, что я оставляю сиденье унитаза поднятым. Ладно, последнее, по-видимому, — это обычное недовольство среди женщин, но вы улавливаете картину.

К тому времени я уже изучил ее настроение и знал, когда ей необходимо побыть одной. Я узнал, что лучший вариант справиться с этим — это убраться от нее, зависнув с друзьями. Поэтому я придумывал какие-нибудь планы, о которых «забывал» ей рассказать, и исчезал. Она ради приличия протестовала, но это звучало неубедительно.

Я узнавал, когда она была готова к моему возвращению домой по тому, что она мне звонила и жаловалась, что я бросил ее одну, а сам развлекаюсь с друзьями. Конечно, это происходило через несколько часов. Мы оба знали, что когда я уходил, ей это нравилось, но вместо того чтобы сказать «спасибо», она обвиняла меня. В ее обвинениях никогда не было настоящего яда, и мы оба знали, что это был ее способ сказать, что она скучает по мне. Поэтому я пропускал все мимо ушей. Я давал ей знать, что еду домой, и извинялся за то, что «был таким эгоистом».

Она постоянно наказывала меня за мою опрометчивость.

Я сделал ей предложение, когда мы гуляли в парке. Я произнес его довольно внезапно. Она остановилась, посмотрела на меня и сказала:

— Нет.

Мое сердце разрывалось, но я старался этого не показать. Я сделал вид, что это — всего лишь предложение, и попытался сменить тему и идти дальше, но она схватила меня за руку.

— Я сказала «нет», потому что на самом деле ты предложения мне не делал. Когда ты всерьез соберешься сделать мне предложение, то купишь кольцо, сделаешь какой-нибудь экстравагантный трюк, чтобы сбить меня с толку, а затем удивишь меня перед десятками других людей, опустившись на колени.

— И ты скажешь «да»?

Она сделала вид, что задумалась.

— Не знаю. Думаю, тебе просто нужно попробовать, чтобы узнать.

Поэтому не было ничего удивительного, когда на рождественской вечеринке в родительском доме я опустился на одно колено и попросил ее стать моей женой. Если вам интересно, она сказала «да».

Настоящее время

Сентябрь 2015 года

Впервые за несколько дней я чувствую желание выбраться из подвала моей сестры. Я смотрю на свой наполовину съеденный надоедливый бутерброд, и мой желудок урчит. Тот факт, что я и впрямь задумываюсь о том, чтобы доесть его, заставляет меня понять, что я голоднее чем думал.

Сейчас — около полуночи, поэтому я тихонько крадусь наверх, чтобы посмотреть, что можно найти в холодильнике моей сестры. Когда я ловко пробираюсь на кухню, то слышу кое-что, что заставляет меня остановиться. Мое тело перестает двигаться, когда я вострую уши, чтобы распознать звук. Я слышу его снова. Звучит знакомо, но в то же время чужеродно. О, черт! Это же — стон.

Медленно, крадучись, я делаю маленькие «шаги ниндзя», идя на звук. Когда я поворачиваю за угол, то почти теряю то небольшое, что у меня есть в животе.

Прямо там, на диване в гостиной, мою сестру пашет мускулистая задница. Я не могу видеть

ее полностью. Все что я вижу, — это ее ноги в носках над его плечами и ее маленькие руки на его бедрах. Он стоит, расставив ноги для опоры, так что, я также получаю дополнительный вид его члена, яростно вторгающегося в нее, в то время как его яйца бьются об нее.

Похотливый звук мокрых шлепков наполняет мои уши.

— Трахни меня, Джерри! Заставь меня принимать этот член!

Я стою неподвижно. Меня удерживает там не эротика, в конце концов, она — моя сестра! Это чистый шок.

Наконец, она открывает глаза и видит меня. У нее — момент того синдрома взрывающейся Ноэмы, о котором я упоминал ранее. Но этот момент быстро проходит, и она отшвыривает Джерри.

— О, Боже! Какого хрена?! Джош! Убирайся отсюда!

Мой разум и тело находятся на двух разных волнах. Я пытаюсь выбраться оттуда, но несколько раз спотыкаюсь, прежде чем встать на ноги. Как только я оказываюсь в безопасности в подвале, мой разум воспроизводит все, что я видел. К моему большому огорчению.

Наверху я слышу неистовые движения по полу, означающие, по моему предположению, что они торопливо одеваются. Когда они успокаиваются, я думаю, что пришло время держать ответ и покончить с этой неизбежной неловкой встречей. Время не сделает ее менее неудобной.

— Эй, вы, ребята, в приличном виде? — кричу я, открывая дверь в подвал. Я с трудом удерживаюсь от смеха, слыша, как смущенный голос сестры отвечает мне утвердительно.

Я проигрываю битву за то, чтобы не рассмеяться, когда вхожу в гостиную и вижу, что они сидят на диване на расстоянии друг от друга, достаточно большом, чтобы вместить меня. Это довольно забавно, но при дальнейшем рассмотрении я вижу причину. На подушке имеется большое мокрое пятно, от которого они держатся в стороне.

— Если вы, ребята, не возражаете, то я посижу здесь. Ну, понимаете, там, где сухо, — говорю я, указывая на стул в другом конце комнаты. Трина смущенно закрывает лицо руками. Я знаю, что не должен радоваться этому так сильно, но это мой первый настоящий смех за неделю. — Ну, как там, Джерри? — шучу я. Моя сестра выглядит так, словно вот-вот упадет в обморок.

— Что тебе нужно, Джош? — быстро вмешивается она, даже не давая Джерри возможности ответить на мой очевидный вопрос. Голос ее суров, но щеки пылают. Ее обычная напористая манера поведения исчезла. Я редко вижу ее такой, так что, для меня это — настоящее удовольствие.

— Я просто пришел сюда перекусить, сестренка. Не хочу, чтобы мой сахар стал слишком низким. Ты ведь давала обещание. — Я ухмыляюсь ей, все еще наслаждаясь дискомфортом, который она испытывает.

Трина смотрит на меня так, словно стреляет лазером. Мое притворно невинное выражение лица только раздражает ее. Как и положено.

По какой-то странной причине счастливая пара просто больше не в настроении для любви. Они прощаются, и Джерри, наконец, уходит, чмокнув мою сестру в губы.

Ну, надо же, надеюсь, я не сказал ничего такого?

Наблюдая за их диалогом, я поражаюсь тому, как Джерри смотрит на Трину. Это очень напоминает то, как когда-то на нее смотрел другой мужчина. То, как я смотрел на Наоми до всего этого. Как будто ничто другое не имеет значения.

— Рад был повидаться, Джерри, — кричу я, когда он выходит за дверь. Теперь он уже не так смущен сложившейся ситуацией. Моя сестра по-прежнему не может смотреть мне в глаза, но Джерри улыбается. Я предполагаю, что есть гораздо худшие вещи, чем то, что парня застукали с, блядь, до усрачки красивой девушкой. Он кивает мне в ответ.

— Увидимся позже, Джош.

Когда он ушел, Трина стреляет в меня кинжалами.

— Я уже несколько дней пытаюсь вытащить тебя из подвала. Ты выбираешь именно ЭТОТ МОМЕНТ, чтобы вытащить голову из задницы?

Ирония может быть забавной. Ну, по крайней мере, для меня. Трину это веселит гораздо меньше.

— Ну, откуда мне было знать, что его голова — у тебя в заднице?

Ее лицо морщится, когда она что-то бросает в меня. Я не знаю, что это такое, но оно пролетает в другом направлении, совершенно мимо меня.

— Фуууу, мерзкий Джош. И как ты целуешь Генри этим ртом?

— А ты как целуешь СВОИХ детей этим ртом? Я уверен, что он делал вещи и похуже моих.

— Поцелуй меня в задницу, Джош! — Ее слова не несут никакого гнева. На самом деле, на ее лице появляется улыбка, как будто она, наконец-то, признает тот факт, что ее застукали со спущенными штанами. Оцените игру слов!

— Нет, спасибо. Это — дело Джерри, — кричу я, когда она выходит в кухню. Она возвращается с двумя бутылками колы и протягивает одну мне. Догадываюсь, что потный, сладострастный секс может вызвать жажду. Сделав пару глотков, она одаривает меня серьезной улыбкой.

— Я рада видеть тебя на ногах.

— Ага. Возможно, мне придется бороться с желанием воткнуть в глаза ржавую вилку, но в остальном я чувствую себя лучше. Ну, настолько хорошо, насколько могу чувствовать себя с женой, которая трахается с другими.

Она сочувственно кивает и делает еще глоток.

— Ты собираешься с ней поговорить?

Единственное, что я мог ответить, — это пожать плечами. На мгновение воцаряется неловкая тишина, пока я не спрашиваю:

— Каково это, сестренка, когда его нет?

Под «ним» я имею в виду ее покойного мужа и отца моей племянницы и племянника. Карлос был полицейским, которого застрелили при исполнении служебных обязанностей во время обычной остановки на дороге. Он не понимал, что побитая «Хонда», которую он остановил за превышение скорости, была украдена, имела полный багажник наркотиков и водителя с третьим предупреждением.

— Одиноко. Чертовски одиноко. — Теперь настал мой черед кивнуть.

— Ты когда-нибудь об этом забываешь?

Она печально качает головой.

— Нет. Никогда. Особенно, коль скоро маленький Карлос так похож на него. Не проходит и дня, чтобы что-то не напоминало мне о нем. Я часто играла сама с собой в игру, пытаюсь представить, что сделает или скажет Карлос, когда дети сделают что-то хорошее, например, вернуться домой с хорошей оценкой, или что-то плохое, например, вотрут друг другу в волосы жвачку.

Я эгоистично начинаю думать о том, как бы выглядела моя жизнь без Наоми. Мне не

нравится ощущение пустоты, которое следует за этой мыслью.

— А Джерри помогает?

Она легко смеется и мечтательно смотрит на меня.

— Джерри замечательный. Он помогает. Он забавный, чертовски сексуальный и очень милый. Но он — не Карлос.

В этом я должен с ней согласиться. Карлос был единственным в своем роде.

Трина работала в офисе окружного прокурора, когда познакомилась с ним. На самом деле она до сих пор там работает. Карлос-старший — мой покойный шурин — влюбился в нее с первого взгляда. Он часто шутил, что, впервые увидев ее задницу в облегающей плиссированной юбке, понял, что женится на ней.

Он ухаживал за ней на полном серьезе. Он несколько раз в неделю приезжал в офис, когда был на патрулировании, просто чтобы пригласить ее на свидание. Он даже не скрывал этого. Она почти ежедневно отказывала ему. Сначала.

Со временем это превратилось в игру в кошки-мышки. по лестнице в свою спальню. Проходя мимо меня, она нежно гладит меня по голове. Но я не могу просто оставить ее в такой дурацкий момент.

— Почему вы двое были в гостиной? Ты же знаешь, для чего нужны спальни?

Она смеется, остановившись в нескольких шагах.

— Кэл снились кошмары, поэтому она уснула в моей постели. Нет никакого способа сделать это, если рядом с вами находится двенадцатилетний ребенок. Я полагала, что ты все еще будешь барахтаться в своих страданиях внизу. Конечно, будучи настоящей занозой в заднице, ты даже этого не можешь сделать правильно. Ты всегда должен найти способ испортить мне удовольствие.

— Не за что.

Услышав, как закрывается дверь ее спальни, я сидел в тишине и думал о своей собственной жизни. Как будет выглядеть моя жизнь, если мне придется продолжать жить без Наоми?

Чертовски одинокой.

Прошлое

Январь 2007 — март 2010

Я бы с удовольствием сказал, что супружеская жизнь — это все, о чем я мечтал, но на самом деле это не так. Мы все склонны романтизировать свою жизнь в браке. Знаете, секс во всех частях дома, интимные ночи вместе, окончание предложений друг за другом и все остальные клише, что можно придумать.

Но те из нас, кто женат или был женат, знают правду. Эти брачные клише длятся от шести месяцев до года. Мы все знаем, что такое «фаза медового месяца». Затем тепло и пушистость любви начинают стираться, и осознаются другие реальности жизни.

Ничто не демонстрирует это так ярко, как наблюдение за тем, как твоя жена срет, находясь с тобой в ванной комнате. Ее отвратительная вонь наполняет воздух, когда ты задыхаешься. Она, с другой стороны, настаивает на глубоко эмоциональном разговоре с тобой, справляя нужду. Достигая этого уровня, понимаешь, что фаза медового месяца прошла.

И это еще до того, как она забеременеет. Как только вы полностью осознаете все свое супружеское блаженство с младенцем, вы полностью погружаетесь в реальность.

Генри родился в апреле 2009 года, чуть больше чем через два года после того, как Наоми

ответила «да». Он был самым совершенным ребенком на свете. Правда-правда! Я не предвзят, когда говорю об этом. Он и впрямь был самым красивым ребенком во всем мире. Я видел его в родильном отделении, когда Наоми потеряла сознание после десяти часов тяжелых родов. Позвольте сказать, что любой, кто утверждает, что все дети красивы, должен получить пощечину за ложь. Я смотрел на множество этих плакучих машин с перекошенными лицами и знал, что в ближайшие годы они станут мишенью для хулиганов. Когда мы забрали Генри домой, то были напуганы до смерти. Здесь у нас была совершенная, драгоценная жизнь, за которую мы несли ответственность. Его будущее будет прямым отражением нас.

Наоми самоотверженно отказалась от своей работы, чтобы стать полноценной мамой. К тому времени я зарабатывал на своей работе достаточно, чтобы прокормить нас. Конечно, нам потребовалось внести некоторые серьезные коррективы в наши расходы, но все наши счета покрывались только из моей зарплаты, и у нас все еще было достаточно денег для другого.

Беременность Наоми была очень тяжелой. Во время беременности она заболела гестационным диабетом, поэтому набрала около тридцати шести килограмм. Она всегда была вялой и легко задыхалась. Даже перехода из спальни в гостиную было достаточно, чтобы измотать ее. К моменту рождения Генри она умоляла его вылезать из нее к чертовой матери.

После того как он родился, я предположил, что вес исчезнет. Но этого не произошло. Ее сексуальная фигура, казалось, осталась в прошлом. Она не слишком хорошо восприняла это. Моя сестра и мать пытались объяснить мне, как тяжело ей приходится, но легче было научить музыке обезьяну. Что я знаю о послеродовом периоде? Единственное, что я понял из этих разговоров, — это то, что мне требуется быть терпеливым с ней. Мне сказали, что лучшее, что я могу сделать, это попытаться успокоить ее и сказать, что я все еще нахожу ее сексуальной и соблазнительной. Я пытался это делать.

Проблема была в том, что я не находил ее сексуальной и соблазнительной. Звучит жестоко, но это правда. Дело было не в лишнем весе, который она набрала. Дело было в том, что вместе с весом менялось ее отношение. Она больше не была той самоуверенной, нахальной женщиной, которую я встретил. Она часто бывала угрюмой, подавленной и раздражительной. Большую часть времени находиться рядом с ней было неинтересно.

Жизнь с ней не была такой уж неприятной. Она была просто скучной. Не было искры. Я все еще любил ее всем своим существом, но быть вдали от нее часто было легче, чем быть с ней рядом.

В то Рождество я сделал жест, который на самом деле стал первой каплей надвигающейся грозы. Я знал, что у нее проблемы с весом. Я знал, что это вызывает у нее бесконечный стресс и депрессию. Поэтому, будучи любящим мужем, я купил ей... беговую дорожку.

Не уверен, что вы много знаете о женщинах, но, по-видимому, я не знал ни хера. Этот подарок заставил ее в слезах выбежать из комнаты, а мать и сестра уставились на меня с открытым ртом, как будто я только что подпалил Генри.

— Скажи мне, неужели ты на самом деле такой тупой, Джош? — спросила меня сестра, в то время как мать ушла утешать жену. Мой отец просто сидел с растерянным выражением лица, которое говорило, что он был так же смущен, как и я.

— Я думал, это — хороший подарок, — пробормотал он, пожимая плечами вместе с Джерри.
— Боже! Теперь я точно знаю, что меня удочерили. У меня нет с тобой никаких общих генов, — раздраженно фыркнула она и зашагала в ту же сторону, куда ушли мама и Наоми.

Мой подарок, каким бы глубокомысленным он мне ни казался, подтвердил убежденность моей жены в том, что она непривлекательна. Для нее я дал понять, что согласен с ней, давая ей возможность СТАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ. Женщины. Иди, разберись.

Постепенно хаос утих, и все вернулось в норму, но это подсадило жучка в ухо Наоми. Следующее, что я помню, это то, что она заказала обучающий DVD — как привести себя в форму, начала смотреть кулинарную сеть, чтобы узнать, как готовить здоровую пищу, и записалась в тренажерный зал Джерри, куда тот пригласил ее в качестве клиента.

Я думаю, что на самом деле я не очень часто упоминал Джерри, за исключением того, что он был заменой Карлоса. Что ж, это несправедливо по отношению к ним обоим. Заменить Карлоса на самом деле невозможно. Но Джерри был тем мужчиной, что заставил мою сестру улыбаться после долгого периода боли. Он был с нами золотым.

Он подрабатывал персональным тренером в спортзале, куда ходила Трина. Там он с ней и познакомился, когда она еще была замужем за Карлосом. Он ухаживал за ней, как и многие другие парни, но она ясно дала понять, что любит своего мужа, который был полицейским. По какой-то причине парни мгновенно отступают, когда слышат такое. Во всяком случае, умные парни. Наверное, боятся пистолета.

Что ж, после смерти Карлоса, когда она попыталась жить дальше, то начала энергично тренироваться. Это помогало ей забыться. У нее были проблемы со сном, когда место Карлоса пустовало, поэтому она работала до изнеможения, пока больше не могла бодрствовать.

Джерри некоторое время держался в стороне, так как знал, что случилось с ее мужем. Через некоторое время они заговорили. Поскольку его ранее уже отшили и учитывая ее недавнюю потерю, на этот раз он не приставал к ней. Он просто с ней разговаривал. Я не знаю, что он такое сказал, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, но знаю, что однажды она удивила его, попросив приехать к ней домой, когда дети были у моей мамы. Он пришел туда, ожидая свидания, но она затащила его внутрь и практически изнасиловала. Потом это повторилось.

Поэтому они начали как друзья с привилегией. По мнению Трины, они такими и оставались, хотя я думаю, что она серьезно обманывала себя. Несколько раз в неделю он проводит время с детьми, он приходит на все наши семейные мероприятия, ни один из них не встречается ни с кем другим, и мои родители любят его. Я вообще думаю, что моя мать тайно воспылала к нему, поскольку вижу, как она молча оценивает его каждый раз, когда он поднимает что-то тяжелое. Но это всего лишь предположение с моей стороны.

И единственное, что намекает на их положение друзей с привилегиями, — это то, что она отказывается переезжать к нему и не позволяет ему переезжать к ней. К тому времени, когда родился мой сын Генри, они были — кем бы они там ни были — вместе около трех лет. Кэлли было пять, а маленькому Карлосу — семь. Маленький Карлос помнил своего папу смутно (ему был всего один год, так что, его воспоминания — это, в основном, те истории, что он слышал о своем папе), а Кэлли никогда его не знала. Джерри — это все, что они знают. Черт возьми, они называют его «дядя Джерри».

Именно в это время он заговорил о том, чтобы съехаться. Она отказалась наотрез. Она сказала, что совершенно не готова поселить в доме Карлоса еще одного мужчину и даже не рассматривает этого в перспективе. Она сказала, что он может либо смириться с этим, либо перестать звонить. Поэтому он отступил.

Как бы то ни было, Джерри работал с Наоми три раза в неделю, а она ходила в спортзал

каждый день. Также он помог ей разработать план питания, который был лучше для нее.

Шли месяцы, и килограммы исчезали. Казалось, каждый раз, когда число на весах менялось, к нам возвращалась частичка прежней Наоми. Она стала более энергичной. Она была сексуальной. Но больше всего к ней возвращалась уверенность.

И вот однажды она позвонила мне на работу. Я подумал, что что-то не так, потому что она почти никогда не звонила мне днем. Она сказала, что мне нужно поспешить домой.

Паника заставила меня преодолеть звуковой барьер, когда я въехал в гараж. Когда я ворвался в парадную дверь, меня встретила жена, одетая в самое сексуальное белье, которое я видел на ней за долгое время. Я определенно заметил разницу в ее теле. Хотя она и не была такой, какой была, когда я впервые встретил ее, она была далека от того места, где была после рождения Генри.

Мы трахались прямо на полу в гостиной. Потом — на кухонном столе. К сожалению, я порвал ее нижнее белье, слишком «нетерпеливо» сдирая его с ее тела.

Позже в тот вечер я не мог стереть с лица глупую ухмылку. И она тоже. Мы просто продолжали передавать друг другу эти тайные взгляды, а Генри, казалось, ничего не замечал. Оказавшись в постели, я спросил ее о своей удаче.

— И чем же это вызвано?

— Тебе понравилось?

— Да, черт возьми!

Она сверкнула благодарной улыбкой, которая дала мне понять, что она счастлива, что доставила мне удовольствие. У нее все еще были небольшие проблемы с уверенностью в себе, так что, мое возбуждение от нее было для ее эго большим стимулом. Но внезапно я узнал, что был не единственной причиной, по которой она возвращалась к своему ритму.

— Пожалуйста, не сердись, когда я тебе это скажу. Джерри велел мне ничего не говорить, но я никогда не лгала тебе и сейчас не стану.

Это подняло мою тревогу.

— Что случилось?

У нее на лице был неопределенный взгляд, как она сказала:

— Некий парень сегодня подкатил ко мне.

И тут же меня охватила ревность. Я знал, что она увидела ее в моих глазах, потому что быстро заговорила:

— Ничего особенного, Джош. Он просто сказал, что я выгляжу сексуально, и что он вообще хотел бы пригласить меня на свидание.

Это не уменьшило моей ревности.

— И что же ты ответила? — спросил я, возможно, слишком обвиняюще. Она отпрянула и выглядела немного обиженной.

— Я ничего не ответила, Джош. В этом не было необходимости. К тому времени к парню подошел Джерри и сказал, что я — его очень хороший друг, а также жена другого близкого друга. Он сказал, что когда люди беспокоят его друзей, он воспринимает это как личную пощечину. Он ненавидит получать пощечины. Это приводит его в ярость и заставляет совершать необдуманные поступки. Необдуманные, жестокие поступки. Парень ретировался так быстро, что я подумала, будто Джерри испарил его.

Я говорил, что Джерри — отличный парень?

Я все еще сидел и дулся. Воспоминание об этом великом дне разлетелось вдребезги. Наоми

прижалась ко мне и начала гладить мою грудь, чтобы успокоить.

— Джош, у тебя нет причин ревновать. У меня не было ни малейшего желания встречаться с этим парнем. Честно. Я была так возбуждена самим фактом, что кто-то и впрямь находит меня привлекательной. Это заставило меня вновь почувствовать себя красивой. Мне нужен был твой член внутри себя.

Это немного меня успокоило, и я позволил ей прижаться ко мне.

— Если бы ты не была замужем за мной, стала бы ты с ним встречаться?

Она на мгновение задумалась, и я почувствовал, как она качает головой у меня на груди.

— Нет. На самом деле он не в моем вкусе. Но было приятно, что хоть какой-то парень предложил это.

Это положило конец нашему разговору, и мы оба погрузились в сон.

Назад в настоящее время

Сентябрь 2015 года

На следующее утро, после того как я наткнулся на свою сестру, так охотно отдававшуюся своему «не бойфренду», я решил, что мне пора возвращаться на работу. Я потратил все свои больничные дни, а потом взял несколько дней без содержания, так что, пришло время возвращаться в мир.

Возвращение к жизни очень освежает. Видя только стены в подвале и не встречаясь ни с кем из людей, кроме моей сестры и ее детей (ну и Джерри, конечно, но это я оставляю в стороне), я обнаружил, что практически впитываю энергию других и чувствую себя слегка оживленным.

Том, мой самый близкий коллега по работе, рассказывает мне о звонках, что были сделаны в мое отсутствие, и о том, как их закрывали. Он также показывает мне, какие еще ожидаются поездки на техническое обслуживание и ремонт, и сроки, в которые мы должны их завершить. Он даже составил таблицу того, что нужно сделать и в какой день. Как только он заканчивает вводить меня в курс дела, он приветствует меня с возвращением, и мы приступаем к работе.

Мне нравится работать с Томом. Но как человек он мне не нравится. И дело не в том, что он не нравится мне как таковой, просто в нем мало индивидуальности. Для него это — все время бизнес. Я ничего не знаю о его личной жизни, а он держится подальше от моей. Даже сейчас, когда меня не было целую неделю, он об этом не упомянул. Он просто продолжал работать, пока я не вернулся, и дал мне знать о том, что я пропустил. Хотя мы никогда не сможем выйти и выпить вместе пива, в том, что касается работы, мы — хорошо смазанная машина.

Поэтому я с головой погружаюсь в работу. Какое клише: бедный обманутый муж закапывается в работу, чтобы забыть о своих неприятностях с супругой. Ну, это — клише, потому что оно работает.

Не успел я опомниться, как солнце уже село, и Том, уходя, пожелал мне спокойной ночи. А я даже не обедал. Черт, Наоми убьет меня, если узнает.

Я пинаю себя за то, что думаю о ней. Кого волнует, чего хочет она?

Добравшись до своей машины и заведя двигатель, я просто сижу в ней. Внезапно я теряюсь в догадках, куда ехать. Вернуться ли я в дом сестры, или мне следует отправиться домой и встретиться с неизбежным. Когда я прятался в подвале Трины, все было легко. Теперь, оказавшись вновь в обществе, я вынужден думать о своей жизни и о том, что мне нужно сделать.

Когда ты перестанешь быть жертвой, то может быть, сможешь оторвать свою задницу от моего подвала и взять обратно свою жизнь.

Голос Трины громко и ясно прорывается сквозь мое подсознание. Она сказала мне эти слова тем вечером, когда я барахтался в своем дерьме. Тогда они причинили боль, но теперь мудрость, заключенная в них, заставляет меня задуматься.

Внезапно мое решение становится легким. Больше не споря, я выезжаю с парковки и направляюсь домой.